

Павел Лаптев

Павел Лаптев – прозаик, поэт, член Союза писателей России. Книги: «Повести и рассказы» (2014), «Краски», сборник рассказов (2015), «Мета Морфо», роман (2019), «Семь», роман (2021), «Квадрат», стихи (2021), «Ранние рассказы» (2022), «Сказки уличного фонаря» (2022). Публикации: сборник «Пролог – Молодая Литература России», петербургский альманах «Мост», сборник стихов «Выкса 70», сборник «Сила Слова», сборник прозы «Коромыслова башня», сборник легенд «Нижегородская область. Это моя земля». Журналы: «Родомысл», «Юность», «Сибирские Огни», «Север», альманах «Земляки», «Нижний Новгород», «Дрон», «Гостиная» (США). Дипломант епархиального литературно-художественного конкурса в номинации «Проза»; лауреат фестиваля «Мой город – Выкса» в номинациях

«Стихи о Выксе», «Песни о Выксе»; дипломант конкурса «Бесконечно поэтично» к 800-летию Нижнего Новгорода; победитель конкурса «Нижегородская область. Это моя земля».

СОЛЬ

Рассказ

В окно алтаря храма во имя Пресвятой Живоначальной Троицы рабочего посёлка Досчатое упал утренний луч осеннего солнца. Диакон Павел, седовласый худощавый человек, готовил жертвенник и сосуды.

Зашёл алтарник Алёша.

– Батюшка ещё не пришёл? – спросил он, доставая из ризницы облачения.

– Нет ещё, – ответил диакон. – Сам волнуюсь. Никогда не опаздывал. Положи пока одежду. Без благословения, сам знаешь, мне стихарь не надеть.

Диакон приготовил всё для проскомидии и сказал алтарнику:

– Ты вот, Алёша, с какого года?

Алёша смутился.

– С... двадцать пятого, – вспоминал.

– Взрослый, двенадцать лет, а куролесишь, когда Псалтирь читаешь, – сказал диакон.

– Как это? – не понял Алёша.

– От Кирие, элейсон. Господи, помилуй, по-гречески, – пояснил диакон. – Молитва должна быть умной. Нужно вдумываться, что читаешь, а не так, лишь бы отчитать быстрее. Алексей, ты человек Божий, а молиться не умеешь.

Алёша поморщился, плечами пожал.

– Что, не сознаёшься? – спросил диакон. – А между тем, смирение есть первая добродетель. Вот враг человеческий возгордился пред Богом и полетел в преисподнюю.

– Ладно, – как бы нехотя согласился Алёша. – Буду медленней.

В алтарь влетела, громко хлопнув дверью, певчая Татьяна.

– Ты что, мать, не в хлевходишь, – осадил её диакон.

Татьяна, держа у рта платок, с плачем пролепетала:

– Отца Александра арестовали! Пришли военные ночью и увезли куда-то. В праздник-то Покрова Пресвятой Богородицы! Антихристы!

За Татьяной вошёл, прихрамывая, майор госбезопасности Щелин.

– Без благословения сюда нельзя! – резко остановил его диакон Павел.

– Нам ваших благословений не нужно, нас Сталин благословил, – ответил майор, погладил чёрные усы и продекламировал: – Лебедев Павел Васильевич, уроженец села Яковцево Муромского уезда, вы арестованы по обвинению в агитации против советской власти.

– Как? – смутился диакон.

– Арестован, – повторил Щелин.

– А где санкция прокурора, ордер где? – спросил диакон.

– Вот тебе ордер, – Щелин вытащил из кобуры пистолет, помахал им. – Я сам тебя в Горький повезу. Милицейского конвоя нет. Загорского с ним увезли... А ты где был ночью?

– Мы в городе ночевали у знакомых, приехали под утро, – объяснил диакон.

– Плохо, – сказал Щелин. – Надо ещё посмотреть, что у вас за знакомые в Выксе... Скоро придёт теплоход с Москвы, на нём и поплывём.

– Но, я... Мы ни в чём не виноваты, – пожал плечами диакон.

– Там разберутся. Руки давай, – сказал майор, вынимая из кармана шинели наручники.

– Мне б переодеться, – попросил диакон.

– А, ну да, валяй, – сказал Щелин. – Я буду на улице ждать, покурю.

Он вышел из алтаря, потом задумался, вернулся.

– Диакон, а ты ведь до революции жил? – спросил он. – Небось, ярым монархистом был.

– Законоучителем, – ответил диакон Павел. – Закон Божий детям преподавал.

– А есть он, закон этот? – усмехнулся Щелин. – Закон классовой борьбы, вот этот есть.

Диакон ничего не ответил.

– А чей этот ваш закон, а? – выпытывал майор.

– Бога, – ответил диакон Павел.

Щелин вспыхнул:

– А где он, Бог? Я Его не вижу. В этих картинках? – показал на иконы, подошёл к одной, стукнул кулаком. – В этой? Или в этой? Или, может, на этом столе сидит? – Щелин подошёл к престолу и попытался поднять его, но диакон не дал. Тогда Щелин выбежал из алтаря и начал сбрасывать иконы, какие поддавались, на пол. Немногочисленные прихожане переговаривались, женщины охали, но подойти побаивались. Диакон Павел постарался воспрепятствовать майору. Щелин опрокинул на него подсвечник, диакон упал. Но быстро поднялся, подсвечник поставил.

– Где он, Бог? – крикнул Щелин и выстрелил в распятие. – Всё, диакон, нет твоего Бога! – и торжественно прихожанам: – Церковь за-кры-ва-ется! – сказал он и, пятясь задом, вышел из храма.

Присутствующие в храме молчали, смотрели на диакона. Кто-то стал поднимать иконы. Диакон пошёл в алтарь, надел пальто, скуфью и вышел из храма.

На паперти Щелин курил папиросу и, к удивлению диакона, спокойно спросил:

– Слушай, Павел Васильевич, ты на металлургическом заводе ведь работаешь счетоводом. Да?

– Да, – подтвердил диакон. – В транспортном отделе.

– И чего, мало тебе проблем? Жил бы себе, не тужил. Зачем тебе диаконом ещё быть? Я не понимаю.

– Не поймёте, – сказал диакон. – Не всё деньгами измеряется.

Щелин махнул рукой, папиросу докурил, выбросил.

– Новая конституция у нас какая хорошая, – сказал майор. – Впервые в мире в ней закреплено, что все равны, сословия низложены. Нет богачей. Нет эксплуататоров. Живи до пенсии, строй коммунизм и радуйся. Нет, вам надо это мракобесие! – сказал он, поглаживая усы.

– Радость, а не мракобесие.

– Какая радость?

– Радость, что Христос воплотился, умер и воскрес и воссел в теле человеческом одесную отца.

Ради нас.

– Не понимаю логики... В общем, час тебе, – сказал майор, подумал и добавил: – Два часа. Подойдешь ко мне. Придёт подвода с Выксы. У меня поросёнка режут дома... Всё не вовремя, эти аресты, – посетовал.

– Всегда не вовремя, – вздохнул диакон и добавил: – В вечности.

Щелин, ещё больше прихрамывая, зашагал домой, диакон тоже пошёл к себе. Жили они недалеко друг от друга, минут десять пешком.

Когда отец диакон прошёл в комнату, супруга в полосатой жилетке поливала цветы на подоконнике и, увидев его, развела руками.

– А служба что? – спросила она.

– Такой праздник, а без литургии, – тихо сказал, задумавшись, диакон.

– Что, что случилось? – взволнованно спросила женщина.

– А? – начал раздеваться диакон. – Душа моя, Татьяна Васильевна, меня увозят в Горький на теплоходе. Щелин дал пару часов на сборы, – пояснил он.

– Щелин? Этот пустяшный человек? – возмутилась Татьяна Васильевна.

– Он власть. Батюшку нашего Александра арестовали ночью. Вот до меня очередь дошла.

– Загорского арестовали? Павел, вы же немолодые оба, неужели совести у них нет?

– Какая совесть, мать? – усмехнулся диакон. – О чём ты... Там «тройки» судят по обвинению в антисоветской агитации.

– К расстрелу?

– Может, расстрел, может, лагерь.

Кувшин, из которого Татьяна Васильевна поливала цветы, выпал из её рук. И разбился. Диакон, уже раздевшись, подбежал к жене, осколки собрал.

– Всё хорошо, пол высохнет, – сказал он.

– Высохнет... Кувшин не склеить, – сказала Татьяна Васильевна.

– Этот не склеить. Значит, новый будет кувшин. А вода от нас куда уже не денется, – сказал, поднимая последний осколок, диакон и добавил: – Как Дух Святой, он всегда с нами.

Татьяна Васильевна опустила на стул возле круглого с разноцветной скатертью стола. Диакон сел рядом с супругой и положил свою руку поверх её рук. Шёпотом сказал:

– По слухам, перепись населения показала, что больше половины записали себя верующими. А заявили, что перепись дефектная. Якобы это организаторы её неправильно посчитали количество населения. Мол, агенты они иностранных разведок. А в декабре должны быть выборы в Верховный Совет. Может быть, власть боится, что клир может на них повлиять и народ повести против большевиков? Вот и арестовывают нас.

Татьяна Васильевна пожала плечами.

– Возможно, – согласилась она.

– А перепись-то, помнишь, была в один день шестого января, – продолжил диакон. – Хитро как устроили. Мол, вот она – победа материализма, народ даже перед Рождеством Христовым отрывается от Бога.

– Они думали, что народ откажется от веры отцов. Просчитались! – сказала громко Татьяна Васильевна.

– Тихо, – тихо сказал диакон.

Татьяна Васильевна медленно покачала головой. Слёзы выступили из её глаз. Одна слеза упала на скатерть. Отец диакон погладил это место рукой.

– Перепись была не анонимной, – сказала Татьяна Васильевна. – Это, получается, массовое исповедничество. Массовая жертвенность...

Диакон встал, к окну подошёл, сощурился. Солнце в наступившем дне, казалось, светило ярче прежнего.

– Пообедай уж перед дорогой, – предложила супруга.

– Не хочу, да и некогда... Чай завари, пожалуйста, с сахаром, и всё, – попросил диакон.

Татьяна Васильевна приготовила на кухне чай и принесла мужу в гранёном стакане в подстаканнике. Диакон отхлебнул.

– Хорош сахар, – улыбнулся.

– Что? – не поняла Татьяна Васильевна.

– Ты соли положила, Танюша.

– Как так? – опешила Татьяна Васильевна. – Эх, с горя рассудок помутился, белый и белый... Две ложки положила. Сейчас налью другого.

– Не надо, жизнь не сладка, и чай, значит, такой, – сказал диакон и быстро выпил солёный чай.

Татьяна Васильевна поморщилась при этом.

– Видишь, в жизни как, – сказала она. – Внешне и сахар белый, и соль, а сути разные.

Диакон Павел улыбнулся жене.

– Я тебе говорил ведь уже, – сказал он, отдавая стакан. – слухи подтвердились, на днях расстреляли патриаршего местоблюстителя Петра. Вот в сентябре убит и митрополит Нижегородский Евгений Зёрнов. В Церкви осталось мало архиереев. И всё меньше, всё меньше... Ты понимаешь, что это такое? Несколько пуль, и нет её, Русской Церкви. Тысяча лет русского христианства закончится. Несколько пуль...

Отец диакон начал собираться, сложил в небольшой чемодан некоторые вещи.

– Всё равно отберут, возьму самое необходимое, – сказал.

– Господи, вот и сухаригодились, – сказала Татьяна Васильевна.

– Да, не зря сушили. Принеси, пожалуйста.

Татьяна Васильевна ушла в сени. А когда вошла с мешком сухарей, она сказала:

– За сыновьями сбегая на завод.

– Не надо, – сказал диакон. – Не отпустят их. А так – прогул будет.

– Я хоть провожу на пристань.

– Хорошо, Щелина спрошу.

Диакон Павел собрался и пошёл к майору. Он шёл и смотрел на дома, на деревья, столбы с проводами и думал, что, скорее всего, никогда не увидит свой посёлок. Он подумал, что вот эти электрические столбы похожи на кресты вдоль римских дорог. Кресты, на которых распяты мученики за веру. Диакон решил, что бы ни случилось, он будет твёрд в своей вере. И как бы к нему не относились обвинители, он будет стараться не гневаться на них, более того, стараться любить. Диакон Павел шёл и повторял про себя слова Христа из нагорной проповеди: «...любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного... Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас. Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поприще людям...»

Диакон Павел думал, что вот пятьдесят восемь лет прожил на этом свете, полвека в православной вере, и разве один или два дня могут перечеркнуть эту жизнь? Разве несколько дней мучений могут перевесить вечность? Никак...

Войдя в незапертую дверь дома Щелина, он направился в хлев, где резали свинью.

Щелин в запачканной форме сидел на лежащем на боку орущем хряке. Его сосед, крупный мужик, стоял рядом с ножом в руке.

– Ты чего сюда пришёл? Тебе нельзя сюда! – прокричал, глядя безумными глазами, майор.

– Почему нельзя? Здесь благословение не нужно, – сказал диакон. – Два часа прошло уже, опоздаем на теплоход.

– Испачкаешься! А теплоход без нас не уплывёт, – сказал Щелин.

Диакон вышел из хлева, в открытую дверь крикнул:

– А что не пристрелить-то животное?

– А пулю жалко! – крикнул ему в ответ майор. – Они для вас, пули-то... – и мужику скомандовал: – Бей!

Мужик сел на колени в навоз и вонзил нож в сердце хряка, повернул его. Брызнула кровь. Хряк завизжал сильнее и через несколько мгновений затих.

– Столько дел, а тут с тобой возиться надо... Думаешь, мне хочется? – тяжело дышал Щелин, переворачивая хряка. – Это я не поросёнку, а тебе, диакон, говорю... Февральский пленум партии ясно высказался о засевших врагах народа... А вы, церковники, они и есть, – и к соседу: – Приказ НКВД номер ноль-ноль четыреста сорок семь будем исполнять, да?

Сосед пьяно ухмыльнулся.

– Разрежешь тогда, жена скажет, куда и что, – наказал Щелин соседу и к диакону: – А ты, враг народа, подожди на улице, руки помою и поедем. Вон из Выксы подвода пришла, – услышал шум на улице.

– Супруге можно меня проводить? – спросил диакон Павел.

– Можно, – немного подумав, ответил Щелин.

Через полчаса диакон с супругой и майором Щелиным подъехали к пристани Досчатое. Подъехал на велосипеде алтарник Алёша.

У причала был пришвартован двухпалубный теплоход «Иосиф Сталин».

– Поплывём на новом теплоходе, – радовался Щелин. – В этом году выпущен из Сормово, аккуратно к пуску канала Москва – Волга. Семьсот лошадей.

Диакон ничего не ответил ему. Подошёл к супруге и обнял её.

– Помнишь в Евангелии от Матфея Господь сказал: «Ищите прежде Царства Небесного... Отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною... Я есмь путь». Вероятно, сегодня начинается мой путь... Мой крестный путь, Татьяна.

– С Богом, – сказала она сквозь слёзы. – Помни, Павел, ты ни в чём не виноват.

– С Богом. Береги себя, – сказал он. – И вот ещё... Если что, откажись от меня.

Татьяна Васильевна покачала головой.

– Я ведь люблю тебя, – сказала она. – Как же я могу...

Отец диакон поцеловал жену, поправил выпавшую из платка прядь волос, погладил воротник её пальто и перекрестил. Она его тоже перекрестила.

Диакон пожал руку Алёше, сказал ему:

– Прощай, Алёша.

Мальчик плакал.

– Молись усердно, – наказал ему диакон.

Он поднял чемодан и пошёл по трапу на палубу. За ним, хромя, пошагал Щелин, крутя в одной руке наручники, другой глядя свои усы.

– Не сбежишь, Павел Васильевич? – весело спросил он.

– Куда мне бежать, по холодной воде уплыть? – не оборачиваясь, ответил диакон Павел. – Если только улечу.

Когда судно уже отплыло далеко от берега, его окружили чайки, много чаек. Они так и летали, словно ангелы, над белым теплоходом, пока вместе с ним не скрылись за горизонт.

